

А.М. Родионов

Основатели

Вечерняя маршрутка, итожа дневную дорогу, летела Змеиногорским трактом вдоль Барнаульского бора, и в его низинах начинал хозяйничать туман, а где-то он вышался выше леса, укрывая непроглядно край неба. В дороге мыслям просторно, как взгляду. И, словно призрак мысли, брезжило размышление: подобно чему рождаются и растут библиотеки? Взгляд уловил над равниной тумана темно-облачный выступ, похожий на коралловый риф. Может быть, библиотека как форма жизни повторяет путь океанических созданий и, возникая словно бы из ничего, со временем образует обитаемую твердь? Или, может быть, она, подобно вон той березе, одиноко вышедшей из тьмы к дороге, имея в памяти породившее ее семечко и стволообразующую сердцевину и способность обрастать годовыми кольцами, вживается в небо и землю, устойчиво ветвясь и осеняя своей кроной мыслящего человека?

...Туман, нагулявшись над верхами деревьев, сгустился, и с высокой гривы перед Барнаулом стало видно, как белый войлок небесный плотно пал в укромные лога. Свод неба ясно вывездило.

...Нет, ни коралловым островам подобно и ни по законам жизни ствола древесного зарождаются и живут библиотеки. В их зарождении нет никакой космической тайны, но все же образуются они подобно небесным планетарным системам и, прежде чем явиться во всей полноте библиотеке, как созданию поднебесному, должна высветить-

ся мысль о ее создании. А уж потом сгущение космического вещества должно обрести плоть и явь. И обрести качество того пространства, которое В.И. Вернадский называет «ноосферой». Но должен быть и человек – носитель этой животворящей мысли.

...Ночная маршрутка вкатилась в горящий огнями город и я вышел на том перекрестке, где сотню лет назад жил носитель мысли о необходимости создания общедоступной библиотеки в Барнауле. Итак, приехали. Здесь, на углу Конюшенного переулка (пр. Красноармейский) и улицы Томской (ул. Короленко) жил Василий Константинович Штильке, здесь, в его доме, пребывала и едва не погибла первая общественная библиотека.

Исследователи библиотечного дела на Алтае к концу XX в. все же пришли к одному знаменателю – основателем Алтайской краевой библиотеки им. В.Я. Шишкова следует считать В.К. Штильке, открывшего при Обществе попечения о начальном образовании первую общественную библиотеку в городе. В день открытия того невеликого по масштабам собрания в его составе насчитывалось чуть более двух тысяч изданий.

Не вдруг состоялось это событие. Штильке вынашивал свой проект несколько лет, а в 1887 г., являясь членом городской Думы, вынес его на обсуждение городского общества. И оказался не одинок в своем стремлении. В состав Думы входили горные офицеры – выпускники Петербургского корпуса горных инженеров, купцы барнаульские именитые – тоже не без широкого кругозора. Смешно нынче читать газетных репор-

В.К. Штильке

Н.И. Журин

теров конца XIX в., отзывавшихся о горных чинах: «...Барнаул был лишь станционным пунктом для горной администрации, которая затем уезжала благодушествовать в столицу. Они не сроднились с краем, не пустили корней...» И это сказано о тех, кто вывел и Барнаул и горный округ в число передовых российских провинций, где оттачивалась практическая инженерная мысль, где была заложена система горно-заводских школ. Одно Барнаульское горное училище чего стоит! Предположим прав репортер – «не срослись с краем». Но какие семена посеяны! Врет расхожий газетчик, как врут они и сегодня в своих свободных изданиях сплошь и рядом. Один из сеятелей знания на ниве народной – начальник горного округа Н.И. Журин не только с краем сросся, но и с землей барнаульской – покоится прах его на Нагорном кладбище в Барнауле и, смею надеяться, могила его уцелела справа от смотровой площадки. О Журине Николае Ивановиче, говоря о книгах, не вспомнить нельзя. Ярче многих горных деятелей его имя высветилось, когда прихотливые пути поиска подробностей жизни на Алтае в XIX в. привели меня в конференц-зал Петербургской горной Академии (бывший Корпус горных инженеров). Там, на стенах его золотыми буквами выбиты имена выпускников, закончивших Корпус с отличием. Имя Н.И. Журина – среди отличников! Он и в гимназии московской был таковым, и поскольку вышел из мещанского сословия, то цену образованию знал. Дума городская – Думой, но без одобрительного отношения начальника Алтайского

округа к проекту В.К. Штильке он вряд ли был бы реализован в те годы. Более того – Штильке и Журин – это интеллектуальный тандем Барнаула. Задаться целью: «дать возможность людям, не имеющим средств выписывать книги и журналы, пользоваться ими за небольшую плату и через это знакомиться с полезными знаниями» могли только единомышленники, каковыми и явились начальник горной администрации генерал Николай Журин и парадокс! – административный ссыльный Василий Штильке. У меня тут же встает перед глазами широко известная фотография дореволюционного Барнаула, на которой запечатлены бодрые и статные горожане на двухместном велосипеде. Проецируя этот образчик городского быта на деятельность людей созидательных, можно смело говорить, что Журин и Штильке совместно крутили педали городского просвещения.

Что же касается первой общественной библиотеки, то здесь инициаторы ее создания нашли сочувствие среди горожан состоятельных. Книги для городского общества передали первый глава городской Н.А. Давидович-Нащинский, горный инженер В. Карпинский, горняк и писатель-натурлист А.А. Черкасов, архитектор Н. Шульдадь. Глядя, как первым среди барнаульцев расщедрился на нужды библиотечного дела первогильдеец Василий Сухов – он внес 400 рублей, владелец самого мощного парохода на Оби и соледобытчик Михаил Функ собственноручно поубавил личную библиотеку и передал в руки Штильке не одну сотню книг. О купеческих библиотеках и во-

обще о частных книжных собраниях старого Барнаула – разговор отдельный. А пока вот еще о ком не должны забывать барнаульцы. Далековато от сибирского горного города проживает золотопромышленник и меценат Иннокентий Михайлович Сибиряков, но и он отозвался из Петербурга на письмо председателя Общества попечения Журина – пожертвовал городу полторы тысячи рублей на приобретение книг да еще три сотни на библиотечный обиход.

Занимая первое время отдельный кабинет в здании Гордумы, библиотека затем попала в полосу «кочевническую», неоднократно меняя местоположение, пока не обрела относительный покой в доме Штильке. В 1905 г., когда антиреволюционно настроенные горожане весомо возразили демонстрантам, гулявшим по городу с лозунгами «Долой самодержавие!», дом Штильке, как средоточие «политиков», был разгромлен и библиотека на время прекратила работу. Однако же «в те годы темные, глухие» недолго она оставалась недоступной. Снова ее под свое крыло взяла городская Дума. К 1910 г. общественное книжное собрание размещалось в каменном здании на ул. Бийской (ныне ул. Никитина) и заведовал ею один из барнаульских «политиков» А.Ф. Веронский, потомки его и по сей день живут в Барнауле.

Долгое кочевье общедоступного собрания книжного по улицам старого города я воспринимаю ныне как приметку времени. Общество городское во главе с Думой не созрело для того, чтобы утвердить городской прочный престол для книги. Это груст-

ное состояние края, когда книге – сиречь-интеллекту отводится роль квартиранта. То собрание книжное, хранившееся на ул. Бийской, постигла участь трагическая – оно погибло в майском пожаре 1917 г. Последствия пожара и по сей день ощущаются. Глядя на сегодняшнее убожество антикварных магазинов в Барнауле, задумывались ли Вы, уважаемый читатель, – насколько богаче могли быть барнаульские книжные развалы? А уж дореволюционные фонды библиотек – тем более, если учитывать, что предтеча сегодняшней краевой библиотеки, городская, во времена национализации комплектовалась преимущественно из частных собраний.

Наши предшественники долго предавали проклятиям царский режим. Нынче вектор анафемы изменился. Теперь проклинают режим советский. Но последуем совету Спинозы: «Не проклинай, а пойми». И за что же проклинать Советы, если в 1937 г. с образованием Алтайского края Барнаул выделил под краевую библиотеку одно из лучших зданий города – бывшую канцелярию Колывано-Воскресенских заводов. В те годы, когда директор Мария Ефимовна Тарасова формировала новый статус краевой библиотеки, она не раз вспоминала о барнаульских сокровищах прошлого века. Правда, ей не удалось выволить из Новосибирска, вывезенную туда библиотеку горно-заводскую, но, однако же, стены бывшей канцелярии передавали читателям не только дух того, что в них хранится. Они несли в себе импульс деятельного века девятнадцатого – века горняка-трудяги, кото-

рый возник и развился не без участия книжного собрания Колывано-Воскресенских заводов.

Библиотека КВЗ – дрейф континента

Отвлекаясь от предмета разговора – краевой библиотеки нынешней, должен заметить, что книжное собрание горного ведомства на полтора века предвосхитило создание общественной городской библиотеки.

Мощное поле библиотеки Колывано-Воскресенских заводов и целое сословие, питавшееся плодами этого поля, – горные офицеры – предопределены были специфической ведомства. Она была в сегодняшнем понимании библиотекой естественнонаучной. Но таков был век – он не всегда разделял сугубо научное знание и знание чувственно-историческое. По крайней мере, как только в России в 1800 г. были изданы «Героическая песня о походе на половцев удельного князя Новгород-Северского Игоря Святославича», так в библиотеку КВЗ тут же поступило это национальное достояние. И это наряду с самыми современными журналами по горному производству как на русском, так и на инославных языках. Не миновали библиотеки КВЗ сочинения историков Н. Карамзина и С. Соловьева.

Нет. В книжном отношении Барнаул местом затрапезным назвать никак нельзя. О культуре любого города, любого края судят по вершинам, а не по духовным трущобам. В библиотеке КВЗ находил пищу для ума и великий Иван Ползунов и менее известный земляк его – Петр Шангин, первый из наших земляков возведенный в звание члена-корреспондента Российской Академии наук. К началу XX в. собрание книг КВЗ насчитывало более 25 тыс. томов. И только пришедшие в Барнаул в 1919 г. новые строители жизни не увидели ценности этого собрания, а потому барнаульская новая власть, не отягощенная образованием, без труда согласилась отдать все это сокровище в Новосибирск, там разместился центр Сибирского края. Это так буднично произошло, что никто не ощутил потери. Да и какая потеря, если новая власть не собиралась поднимать из руин рудники, шахты и рудоплавильни. Обыденно потерял Алтай свой умственный запас. А на самом деле – будто тектонический разлом разрушил материк знания, будто целый континент ума и опыта лег по линии разлома в дрейф и переместился на двести пятьдесят верст от Барнаула. И ведь не бесследно! Неспроста

для СО РАН нашлось место в новосибирском бору, а не в барнаульском. Но историю сослагать – дело безнадежное, она, произойдя и утвердившись, обратно не гнется. Хотя, раздобревший от вывезенных книг из соседних городов-стариков молодой Новосибирск рачительно распорядиться вдруг упавшим на него богатством так и не смог. Библиотека КВЗ – 20 тыс. томов в связках долго пребывала в городских подвалах и разворовывалась. Еще и сегодня у букинистов новосибирских выныривают на прилавках книги с печатью заветной «библиотека КВЗ»!

Универсальная и единственная

Но вернусь в те годы, когда Барнаул было возвращено значение центра края. Просматривая труды исследователей библиотечного дела и собственные хроники «Шишковки», нахожу важную для меня строчку. Важную, потому что я занят не хронологией роста краевой библиотеки. Моя забота – ее суть и судьба. Так вот – о сути. Всего через два года после переезда книжного собрания в бывшую канцелярию горного ведомства в библиотеке создан библиографический сектор. При этом замечу, что книжный фонд библиотеки насчитывал уже около 100 тыс. экземпляров. Попробуй, разберись в этом богатстве смаху. Здесь без поводыря-библиографа сориентируешься не вдруг. Я далек от той мысли, что библиография – это некая калиточка в любой фонд, в котором тебе найдут искомое. Нет, скорее, библиографический отдел – это мощный портал, на котором отражено все содержание того здания, к которому направил стопы читатель. И неспроста среди множества значений этого греческого термина есть такие слова, как «дверь» и «основа». Коли есть дверь, то должен быть и ключ. И среди двух десятков отделов современной «Шишковки», начиная с комплектования и обработки, отдел информационно-библиографический – это безусловно ключ к тому богатству, которым располагает библиотека.

Библиотека – система саморазвивающаяся, но она как явление мысли требует подпитки постоянной. Как и в любом саду, от которого ждешь плодов, здесь без садовника не обойтись. Оглядываясь на полувековое прошлое края, осмелюсь назвать коллективным садовником библиотеки народное хозяйство края. Пусть это звучит несколько обобщенно. Но первопричина как раз лежит в развитии этого хозяйства. В самом деле, послевоенный рост заводов в крае

потребовал и человеческих ресурсов и ресурсов интеллектуальных, также как целинный всплеск 1954 г. потребовал выхода на поля грамотного земледельца-агронома. Все это и обусловило появление политехнического института и бурный рост сельскохозяйственного, развитие целого ряда техникумов, где образовывалось младшее командирское звено для полей и цехов. И не всегда учебные библиотеки могли дать то, что требует пытливый ум. Рост краевой библиотеки не мог быть не связан с ростом хозяйственной мускулатуры. К 60-м годам стены XIX в. оказались тесны для краевой библиотеки. Книгохранилища на ул. Ползунова уже не вмещали мощного притока литературы. Фонды составляли уже около 200 тыс. экземпляров.

Не разрядило тесноты и выделенное в 1959 г. помещение под читальные залы на Ленина, 53. Библиотекарь старой гвардии Антошкина Ирина Константиновна вспоминает, что в залах висело объявление: «Заказы принимаются на завтрашний день...» А это значит, сегодня заказ везут в книгохранение на ул. Ползунова, а на следующий день оттуда молодой библиотекарь-курьер Лида Койнова везет огромную сумку с книгами. И так ежедневно...

Именно в те годы, после целинного и промышленного рывка, мысль о том, что в Барнауле должен быть самостоятельный храм книги приобрела реальные очертания. В 1964 г. директор библиотеки Галина Ефимовна Зыкова уже знала, что подготовлен проект нового здания библиотеки и буквально отвоевала для него тихий пустырь на ул. Моло-

дежной. Проект готовился Сибирским НИИ экспериментального проектирования. Нечто подобное уже было построено в Перми. И к пермякам выехал десант барнаульских библиотекарей, чтобы на месте оценить все практические плюсы и минусы работы в объемах того здания, которое властью обещано.

...Еще шесть лет, встречая с коллективом новый год, директор библиотеки говорила с надеждой, что, ну вот, может быть, в наступающем мы и переедем на Молодежную...

Мечтанья осуществились только в декабре 1971 г. Но, перед тем, как строители «Барнаульжилстроя» передали Г.Е. Зыковой символический ключ от новой библиотеки, старая на целый год закрылась. Сотрудники ее были заняты чисткой книжных фондов, велась подробнейшая сверка каталогов. В новом здании предстояло отказаться от отраслевой расстановки книг. Время диктовало – книги удобнее размещать по форматно-инвентарному принципу. Как ни велик простор новых площадей – более 9 тыс. м², но и этот масштаб не безразмерен. Пока в фондах 700 тыс. экземпляров, но ведь ежегодный приток книг увеличился в три раза.

Очень важный узелок в судьбе «Шишковка» завязывался в эти годы. Она стала научно-методическим стержнем, вокруг которого сформировалась централизованная библиотечная система в крае. Сеть библиотек на селе напоминает периферию нервных окончаний живого организма. Но главный импульс – он из центра.

Свой столетний юбилей в 1988 г. библиотека им. В.Я. Шишкова встречала, имея в своих хранилищах 1 млн 600 тыс. единиц хранения. Тремя годами раньше в названии библиотеки утвердилось весьма важное определение – универсальная! Это очень существенно, поскольку характеризует возможность книжного собрания и подчеркивает – кому эта возможность адресована. Однако же не это делает нашу краевую библиотеку особенной. В «Шишковке» можно найти литературу по любой отрасли знаний. Но! То же самое найдет читатель и в библиотеке, например, Тамбова либо Магадана. А вот книги об Алтае во всей широте издательского спектра – это только в «Шишковке»! Это и дает основание называть Алтайскую краевую универсальную научную библиотеку единственной в своем роде. Здесь есть необходимость вернуться к жизни информационно-библиографического отдела – встать лицом к порталу библиотеки, чтобы понять происхождение единственности.

Развиваясь, отдел библиографии дал два ответвления: отдел каталогов и отдел краеведения. При этом отдел, я бы сказал, классической библиографии сохранился и остается неотъемлемой частью библиотеки.

Это был своего рода направленный поиск лица главного книжного собрания края. Выстроенная еще в 1984 г. группой опытных библиотечарей под руководством Надежды Григорьевны Ткаченко программа «Память Алтая» кардинально переориентировала восприятие всего написанного об Алтае и на Алтае. Уходя от заниженного толкования понятия краеведения, как некоего второстепенного и вспомогательного предмета, библиотечари, подобно щедрому земледельцу, разгородили огород и для возделывателя-хранителя книжных собраний открылись не узенькие грядки и наделы, а просторная нива. По разделу краеведения ныне в «Шишковке» числятся не только книги, изданные на Алтае, но и любую работу, выйдя она хоть в Лондоне, хоть в Бельмесево. Условие при отборе книги одно и неизменное – в ней должен так или иначе присутствовать Алтай. Ну, положим, записки князя Демидова Сан-Донато «На Алтай и в Монголию за дикими козами», вышедшие в Англии, безусловно, нужно отнести в раздел краеведения. Но вот случай примечательный и характеризующий. Летом 2005 г. тобольский меценат А.Г. Елфимов подарил библиотеке редчайшее издание «Чертежную книгу Сибири...» Семена Ремезова. Факсимильное издание – повтор оригинала отражает состояние сибирской картографии на 1701 год! На какую полку ставить раритет? Разумеется – на краеведческую. Какие основания? Ведь книга-то о Сибири. Ей место в коллекции «Сибирика». Но не надо спешить. Слово предвидя роль Алтая в судьбе Российской империи, прозорливец Ремезов нашел нужным отметить на карте обских верховьев и «Славный камень Алтай» и место, где в Обь впадает река Бороноур, тоже отметил. Впервые на карте отмечено место будущей столицы Алтая! Это, как говорят, дорогого стоит и, конечно же, раритетное издание стало одной из жемчужин редкого фонда.

Основа фонда краеведения – конечно же, местные издания. База данных по собственным алтайским изданиям – и электронная и карточно-каталожная, дает возможность выделить из моря книжного, а его просторы – это около 45 тыс. изданий, нужного автора, нужное название, важное событие... Поиск исследователя, как выражается биб-

лиограф-краевед В.П. Колбунова, зачастую многоаспектен. Поэтому с 1996 г. в электронную базу данных включена вся информация о знаменательных датах, история городов и сел Алтая, большинства предприятий, организаций и отдельных личностей. Поиск может быть выстроен по разным указателям: именному, географическому, тематическому. Очень важным подспорьем для краеведов в последнее десятилетие послужило такое явление, как «издательская волна районного масштаба». Целый ряд районов края – 22 из 69 – издал свои биографии. Они состоят из архивных материалов, воспоминаний и других документов. Это примечательное движение. Формируется своеобразная мозаичная картина состояния Алтая на рубеже веков. В научный оборот вводится материал самый первичный – что называется – от земли. А для библиографов это, в первую очередь, расширение источниковедческой базы.

Садовник и крона

В этом явлении я вижу своеобразную переключку с подвижнической деятельностью великого библиографа В.И. Межова, издавшего на исходе XIX в. замечательный трехтомный свод «Сибирская библиография». Своей работой Межов как будто отчитался за сделанное исследователями Сибири от первых лет ее освоения до конца XIX в. Но «древо жизни вечно зеленеет!» Основываясь на межовском субстрате, алтайские библиографы пошли дальше. Предшественник нынешних библиографов архивариус Н.С. Гуляев к 1894 г. подготовил «Указатель книг об Алтае».

Через четверть века эту работу расширили члены артели «Краевед». И вот на исходе века XX появляется капитальный том «Исследователи Алтайского края. XVII – начала XX века». Сделано это, в основном, библиографами-краеведами «Шишковки». А теперь мысленно соединим в одно, помня, что древо жизни вечно зеленеет, и историю только что названную и историю районов. Соединив, попытаемся понять – почему зелено молодеет древо. Да потому, что капиллярные окончания знания – истории сел и поселков, через корни восходят к стволу и формируют крону знания края. Меня так и подмывает сказать, что это не крона знания, а библиотека – это золотая корона знания, но, Боже, упаси! от велеречивости, да и не из одного злата состоит библиотека.

В ней, как и в земле, есть все, навскидку – малоприметные вещества, но без наличия которых древо то самое не будет иметь пышных ветвей. Ветви они ветвями и останутся, коли на них не рождаются плоды. Именно в библиотечных недрах, пересекаясь, архивные фонды и фонды местной печати дают зримый результат. Сегодня ни одно приличное издание, будь то энциклопедия «Барнаул» или «Летопись Барнаула», не может обойтись без библиографического сопровождения.

Из плодов деятельности библиографов-краеведов десяти последних лет здесь нельзя не вспомнить ежегодного издания «Барнаульский хронограф», 45 лет издается указатель «Литература об Алтайском крае». Но и среди ежегодья урожая особым яблоком, крепко налитым, видится пополняемый библиографический указатель «Василий Макарович Шукшин», вышедший третьим изданием. Уже просматривается завязь уникального тома библиографического словаря «Художники Алтайского края». И где-то в перспективе видится продолжение справочника-словаря «Писатели Алтайского края».

Вспоминая зарождение библиотечного дела на Алтае, невозможно оставить за кругом разговора ту атмосферу почитания книжности, которая царил в Барнауле среди офицеров. Коли уж ямщик Черепанов в Тобольске имел в XVIII в. библиотеку из четырехсот книг, то выпускникам петербургского корпуса горных инженеров сам Бог велел иметь под рукой самый универсальный инструмент знания – книгу. К сожалению,

до нас не дошли те издания, которыми пользовался великий Ползунов. Не держалось в Барнауле великолепное личное собрание книг начальника Колывано-Воскресенских заводов Петра Козьмича Фролова, в котором насчитывалось более двухсот рукописных фолиантов и старейшие из них датированы XV в. Там, кроме старорусских книг, были книги на монгольском, тангутском, персидском, китайском и армянском языках!.. Но часть книг из офицерских собраний по прихотливой линии судьбы все же уцелела и ныне хранится в «Шишковке». Книги землестроителя А. Лесневского, горняка Э. Фреймана, купцов Колокольниковых и Суховых, священника А. Щербакова, ботаника В. Верещагина и целая библиотека врача Казаринова пребывают ныне в фонде редких книг краевой библиотеки. Было время – крупные предприятия в стране устраивали свои музеи. Если библиотеку воспринимать как предприятие, то редкий фонд – это своеобразный музей старинной книги на Алтае. Как самостоятельное подразделение «Шишковки» отдел редких книг создан в октябре 1980 г. и его с тех пор бессменно возглавляет Валентина Петровна Кладова. Главные достояния фонда – чудом уцелевшие в Барнауле книги из библиотеки Колывано-Воскресенских заводов, часть Барнаульской Казенной библиотеки, Барнаульского горного (позже – реального) училища. На всех корешках книг этой коллекции оттиснуто название библиотеки и наклеены экслибрисы, что облегчило ее выделение из общего фонда. Последнее собрание и составило ядро

редкого фонда. Рассматривать все сокровища фонда как случайное собрание уцелевших раритетов – путь тупиковый. Работа с обширной библиотекой врача Казаринова вывела исследователей отдела редких книг к верной мысли – наследие книжное следует воспринимать и рассматривать как коллекцию. Действуя по такой концепции, библиотекари выделили «Рукописные и старопечатные книги», «Книги гражданского шрифта XVIII в.», «Редкие краеведческие издания» и другие коллекции. Пока их насчитывается два десятка и они постоянно пополняются. Достаточно сказать, что коллекция книг священника Покровской церкви Александра Щербакова приобретена библиотекой относительно недавно – в 1990 г. Весьма примечательно, что хронологический диапазон коллекций очень широк – от 1609 г. и до наших дней.

Вокруг старых книг существует магнитное поле потаенности их судьбы, способное не просто притягивать и вовлекать в свое пространство души, страждущие соединить прошлое и настоящее. Вокруг старых, а стало быть редких, книг и люди неординарные клубятся, как некое интеллектуальное облако, способное не просто блуждать по свету, но в какой-то день, в какой-то час разразиться плодотворным дождем познания. Познания не дальних заморских земель, а своих окрестных, ближних, родных. Тут необходимо сказать о втором облаке, облаке-предшественнике, витающем над родной землей, которая сама по себе так землей и оставалась бы, когда бы ни жили на ней до нас люди деятельные и сметливые.

Из соединения двух этих начал и возник при отделе редких книг в 1989 г. Клуб любителей алтайской старины. В него вошли писатели, историки, архитекторы, художники, религиоведы, сотрудники краевых музеев, архивисты. Вот на таком перекрестке знаний и образуется световой луч, высвечивающий прошлое Алтая, достойное сегодняшнего внимания.

Мне почему-то из полусотни проведенных заседаний клуба запомнился разговор ни о наскальных рисунках в горах Алтая, ни история храмов Барнаула, а то собрание, которое посвящено было судьбе коменданта Бийской крепости конца XVIII в. Антона Скалона. К этому имени, пожалуй, подталкивало то обстоятельство, что в Барнауле живет и работает Александр Васильевич Скалон. При встрече я спрашивал его – не родственник ли он тому Скалону, памятник

которому мне довелось увидеть под кремлевской стеной в г. Смоленске. Там покоится тело героя Отечественной войны 1812 г., которого великий враг Наполеон распорядился похоронить со всеми воинскими почестями. «Родственник, но не прямой, – отвечал мне барнаульский Скалон. – Это сын бийского Скалона». «Где же прямые потомки?» – не унимался я. «Есть такие, – уверенно отвечал Александр Васильевич. – Николай Романович Скалон. Живет в Алма-Ате. Филолог». И вот представьте себе: идет заседание клуба. В кресле Скалон барнаульский, рядом в кресле Скалон алма-атинский. Вспоминают родословную до 45-го колена. Дальше, глубже – мрак и неизвестность. И тут в разговор вступает бийский историк Сергей Исупов. И благодаря уверенным словам его история рода Скалонов продолжается, длится, погружается вглубь раннего средневековья, когда крестоносцы штурмовали в Палестине крепость Аскалон. Оба живых Скалона зачарованно слушают исследователя Исупова. Они это слышат впервые! В зале – все участники заседания – тоже впервые это слышат. И на заседании том слушателей и участников было полно набито, как семечек в подсолнухе. Это был настоящий пир памяти! Но! До заседания и после любители старины буквально внедрялись в книжную выставку «Отечественная война 1812 г.». Она целиком была составлена из того, что хранят сотрудники отдела редких книг. На языке библиотекарей это называется раскрытием фонда. Вот они – рядом: имя и судьба, а вот книги, где эта судьба входит неотъемлемо в минувшее.

Не столь уж велика была бы цена заседания клуба, когда бы они не давали результативного продолжения. Издан сборник докладов, сделанных на клубе за пятнадцать лет. Именно здесь, в отделе редких книг, появился замысел о создании летописи Барнаула. Легко нынче сказать: замыслили – сделали. Более десятка лет миновало, и вот теперь «Летопись Барнаула», как опыт реконструкции хронологии городских событий готова к изданию. Объем ее внушителен – более 600 страниц текста, отредактированного профессором истории В.А. Скубневским.

Кстати, о выставочно-книжном сопровождении встреч в «Шишковке». Есть в библиотеке такое подразделение: отдел массовой работы. Он не обладатель каких-то книжных редкостей. Это, скорее, публичное организационное окно, благодаря которому читающему народу представляются сокро-

вища в самых ярких своих образцах. Ведь не только через библиотечную стойку доходят до читателей книги. Будь это новинки отдела художественной литературы – здесь праздновали именины своих книг известные писатели: Н. Дворцов, В. Сергеев, Л. Мерзликин, Е. Гуцин и В. Башунов, или первые книги молодых поэтов Т. Баймундузово́й и Е. Безруковой. Но ведь и появление в свет научной работы – тоже праздник. Научные труды по медицине, в области техники или труды аграриев нынче являются миру как будто незаметно, непублично, они известны только кругу специалистов. Вот и забота отдела массовой работы – явить на миру новое достижение научных мыслей, которыми Алтай, как и в минувшие века, не оскудел.

За тридцать пять лет своего существования современное здание библиотеки им. В.Я. Шишкова внешне мало изменилось. Ну, разве что кровлю поменяли, да козырек обновился. Но внутреннее ее содержание, суть работы изменились существенно. За три десятка лет устарели подъемники и доставка книг в читальные залы так затягивалась, что читатель вынужден был ждать своего заказа более часа. Замена всех механизмов – труд огромный и весьма дорогостоящий. Тут и помог коллективный садовник – нашла администрация края средства на новую технику. Труд этот не виден, незаметен для читателя. Но он ощутим. В библиотеке с установкой новых подъемников скорость жизни изменилась в прямом смысле. И еще. Изменилось само осмысление того, чем обладает библиотека. Рядом с богатствами на так называемом бумажном носителе в компьютерных недрах «Шишковки» теперь существует электронная библиотека. За ее создание и за работу по формированию портала «Информационно-библиотечные ресурсы Алтайского края» «Шишковка» в 2004 г. награждена дипломом Международной ассоциации электронных библиотек.

«Шишковка» никогда не чувствовала себя собакой на сене. Обладая мощным информационным и кадровым ресурсом, она

всегда действенно понимала, что Алтай по количеству общедоступных библиотек занимает 6-е место в России. Из 1 135 библиотек 956! – в деревне, в селе. Создаваемая сегодня «Шишковкой» Алтайская корпоративно-информационная библиотечная система (а это еще и городские и вузовские библиотеки) позволит распахнуть перед любым деревенским учителем и учеником все фонды крупных библиотек, и получить через Интернет доступ к мировым закромам информации, и научиться пользоваться ими. Помимо всего, это позволяет сохранить в селе не примитив избы-читальни, а живой современный источник знания.

Директор Алтайской краевой универсальной научной библиотеки им. В.Я. Шишкова Тамара Ивановна Чертова считает, что со времени основания библиотеки ее существенные функции остались неизменными, и, в первую очередь, библиотека – центр просветительства. Соглашаясь с директором, добавлю, однако же, что с разрастанием архипелага знаний и появлением новых технологий, все более увеличивается роль рядового библиотекаря. Когда городской ли, сельский ли библиотекарь отправляется к стеллажам за книгой, он вряд ли помнит и думает, что библиотека – часть ноосферы по академику Вернадскому. Однако же, если утверждать, что есть талант создателя книги, то правомерно признать и талант собирателя ее. Собирателя и хранителя – так милее для русского уха переводится слово «библиотекарь». И от того, насколько талантлив хранитель книги, в немалой степени зависит – какая ноосфера сформируется завтра. Пожалуй, мысль об этом не всегда владеет хранителем. Она в нем живет подспудно. А главное, что руководит им – это служение двум Величествам: Книге и Читателю. Ради этого книгохранитель идет по лабиринтам книжных рядов. Но он знает куда и зачем идет, ибо он поистине не просто образованный посредник, но, лоцман книжного моря!